

DOI: 10.31857/S013038640025107-5

© 2023 г. А.В. Короленков

НОВЫЕ КНИГИ О ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Рец. на книгу: А.Ю. Прокопьев. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА. СПб.: Наука, 2020. 388 с.

Короленков Антон Викторович — кандидат исторических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: sallust@list.ru

Scopus Author ID: 57212917129; ORCID: 0000-0002-3628-2754; Researcher ID: AAZ-7526-2021

A.V. Korolenkov

NEW BOOKS ON THE THIRTY YEARS' WAR

Rec. ad op.: A.Ju. Prokopjev. THE THIRTY YEAR'S WAR. Saint-Petersburg: Nauka, 2020. 388 s.

Anton Korolenkov, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: sallust@list.ru

Scopus Author ID: 57212917129; ORCID: 0000-0002-3628-2754; Researcher ID: AAZ-7526-2021

В 2020 г. увидела свет обобщающая монография заведующего кафедрой средних веков Санкт-Петербургского государственного университета доктора исторических наук, проф. А.Ю. Прокопьева, которая является расширенным и переработанным вариантом соответствующих разделов его книги «Германия в эпоху религиозного раскола»¹.

Автор сразу дает понять, что взгляд на Тридцатилетнюю войну как на общеевропейскую его, как и многих немецких историков, не устраивает, поскольку «далеко не все монархии [Европы] находились в состоянии войны, многие конфликты начались задолго до 1618 г. и продолжались вне прямой зависимости от Тридцатилетней войны» (с. 6). После 1648 г. все чаще о ней говорили как о «немецкой» или даже «лютеровской» войне, но со временем под влиянием античной и ренессансной риторики ее стали именовать Тридцатилетней, что призвано было отразить масштаб конфликта (с. 8–11).

Автор называет следующие причины войны. Продолжались религиозные распри, которые вовсе не остановил Аугсбургский мир 1555 г. Католики требовали вернуть церкви земли, утраченные ею в ходе «ползучей» Реформации уже после 1555 г. Династии германских государств рвали прежние связи, предпочитая теперь заключать браки по конфессиональному признаку и забывая о давнем

родстве из-за религиозной вражды. На «кризис согласия» накладывался паралич институтов Империи — из-за разногласий на почве религии утратили дееспособность имперский суд и рейхстаг. Этот вакуум восполнила «инициатива снизу», когда в 1608–1609 гг. в результате спора вокруг Донауэрт-та возникла Евангелическая уния и в ответ — Католическая лига, сторонники же мирного диалога оказались слабы. Таким образом, констатирует А.Ю. Прокопьев, войну породила «сама Империя со всеми своими особенностями», тогда как конфликты и кризисы в других уголках Европы на ее развязывание не повлияли. В то же время, отмечает автор, война не была неизбежной, острые ситуации (борьба за Кёльнское архиепископство в 1583 г., за наследство герцогства Юлих-Берг в 1614–1619 гг.) удавалось разрешать (с. 36–58). «Опасными должны были быть вспышки по близости, способные вызвать цепную реакцию. Так, очагом войны стала Богемия: страна, связанная ленными узами с Империей, но с самобытным религиозным и общественным укладом» (с. 58).

Суждения автора интересны, но отнюдь не бесспорны. Довольно странно звучит оценка восстания в Чехии как «вспышки по близости» — Чехия была частью Империи, так что речь может идти в крайнем случае о событии на окраине последней, но все же в пределах ее границ. Важно то, что повстанцы противопоставили себя императору, объявив о детроизации Фердинанда и пригласив на

¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008. С. 350–467.

чешский трон Фридриха Пфальцского. И хотя войны, как не без оснований пишет А.Ю. Прокопьев, никто не хотел, должной осторожности стороны не проявляли. А вот это уже нельзя считать случайным, и потому рано или поздно конфликт должен был разразиться. Кроме того, Чехия являлась частью Империи, но не Германии, и потому считать Тридцатилетнюю войну лишь «немецкой» и сосредотачивать внимание почти исключительно на внутригерманских событиях едва ли правомерно. Не убеждает и тезис о том, что не все монархии Европы участвовали в конфликте — во всяком случае, это делали почти все ее ведущие державы: Империя, Испания, Франция, Швеция, Дания, неучастие окраинных Англии и Польши удивления не вызывает. Борьба за Вальтелину, через которую испанские деньги поступали в Империю, имела прямое отношение к Тридцатилетней войне, но из-за того, что этот район не являлся частью ни Германии, ни Священной Римской империи, схватка за нее не упоминается. Но есть и более серьезное упущение — Голландия, которая до 1648 г. юридически являлась частью Священной Римской империи. И если уж А.Ю. Прокопьев подробно остановился на событиях в Чехии, то непонятно, почему он не сделал того же в отношении Голландии. При этом дается сравнительно подробное описание войны за Мантуанское наследство (с. 140–142), которую частью Тридцатилетней войны автор не считает². Ее значение в этом смысле сводится, по мнению автора, к оттягиванию части сил Империи из Германии, что усилило недовольство курфюрстов и германских сословий, но не упоминается о вызванной ею ссоре императора с папой и углублении раскола между католиками³.

Если говорить об описании боевых действий, то они, что вполне естественно, даны в тесной увязке с политической ситуацией. Перед нами предстают чередой походов, сражений, осад. Автор не просто излагает боевые операции, но и обращает внимание на особенности тактики тех или иных военачальников: склонность Тилли к фланговым атакам, Конде — к лобовым, Валленштейна, Галласа и Пикколомини — к неспешной осторожности. Правда, некоторые суждения А.Ю. Прокопьева вызывают вопросы. Так, он пишет, что Галлас и Пикколомини предпочитали «противопоставить сильному противнику сильную оборону и ждать резервов. Но как это сделать, когда следует приказ настичь и уничтожить? И особенно, когда нет резервов, а под рукой лишь горсть людей? И Галлас и Пикколомини вынуждены были играть несвойственную им роль» (с. 250). Однако здесь впору говорить не о «несвойственной» для обоих военачальников роли, а о нелепости приказов сверху, при отдаче которых не учитывалась их невыполнимость. Другой случай — характеристика

Конде, чье имя даже не попало в указатель. Автор охотно рассуждает о потерях его армии в битвах при Фрайбурге и Алерхайме (действительно тяжелых) и очень невысоко оценивает герцога Англенского как военачальника: «Как полководец он сложился лишь одной победой (sic. — А.К.) при Рокруа», Фрайбург и Алерхайм «были по сути повторением старого сценария» (с. 309). Между тем битва при Лансе повторением Рокруа не являлась, да и потери французов в ней оказались не столь тяжелыми, но А.Ю. Прокопьев, игнорирующий внегерманские фронты, о ней не упоминает, создавая у неосведомленного читателя превратное впечатление об одном из самых выдающихся французских полководцев XVII в.

Рассмотрению хода и результатов сражений препятствует то, что автор не приводит разных вариантов данных о численности войск, потерях сторон и анализа сведений о них⁴ (увы, это свойственно очень многим работам о Тридцатилетней войне), а иногда эти данные приводятся так, что сделать какие-либо выводы вообще невозможно. Так, при описании упомянутой битвы при Фрайбурге сообщается, что выбыла из строя почти треть армии Конде, тогда как «баварцы потеряли едва ли две тысячи». Только их уход позволил герцогу Англенскому «объявить себя победителем» (с. 255)⁵. Если французы действительно понесли столь тяжелый урон, то непонятно, почему баварцы не попытались добить их, а отступили. Вероятно, неверны сведения о потерях баварских войск (а возможно и французов). Данные о силах сторон накануне битвы также могли бы прояснить ситуацию, но автор их не приводит, да и вообще не задается вопросом о причинах отступления баварцев.

В то же время весьма интересны указания А.Ю. Прокопьева на изменения, произведенные событиями 1618–1648 гг. в военном деле, и особенности боевых операций. Тридцатилетняя война способствовала унификации вооружения и обмундирования, выросла роль полевой артиллерии, все меньше использовались доспехи. Отмечается важность флангового давления в ходе битв 1618–1648 гг. При этом представления о Густаве II Адольфе как о военном реформаторе, по мнению автора, требуют корректировки — многие перемены, приписываемые шведскому королю, происходили почти во всех европейских армиях (с. 300–309).

Немалое внимание уделяет автор влиянию войны на баланс власти в Империи. После разгрома восстания в Чехии в силу объективных обстоятельств

⁴ Вообще анализ источников в книге практически не представлен, что, видимо, объясняется ее жанром обобщающей монографии.

⁵ Впрочем, это еще «умеренная» оценка исхода битвы, которую до сих пор иногда считают поражением французов (см.: *Münkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648*. Berlin, 2017. S. 776), явно исходя из заниженных данных о потерях баварцев, которым следует и А.Ю. Прокопьев.

² Впрочем, еще Р. Квацца высказывал иную точку зрения: *Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana*. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

³ См. *Веджсайд В. Тридцатилетняя война*. М., 2012. С. 271–272.

император Фердинанд II был вынужден опираться на Католическую лигу, хотя и не доверял ей. Но уже через несколько лет ему удалось подчинить ее, расширенные ассамблеи сословий и рейхстаг больше не собирались, император ограничивался встречами на курфюршеских коллегиях и сессиях надворного совета; впрочем, такая политика уже имела прецеденты в прошлом. Однако Эдикт о реституции вызвал сопротивление как протестантов⁶, так и католиков. Особые опасения у них вызывала армия Валленштейна, которая должна была гарантировать проведение эдикта в жизнь — результатом этого могло стать непомерное усиление власти императора, да и сам Валленштейн воспринимался как «высочка», чье стремительное возвышение нарушало традиционный баланс в рядах элиты. Версию о будто бы подготавливавшейся Валленштейном измене А.Ю. Прокопьев отвергает, считая, что тот «стал своего рода персональной мишенью все-сословного протеста». Раздражала не только его головокружительная карьера, но и самостоятельная позиция — он не желал помогать баварцам, считая более важной защиту Чехии, и объединять свои силы с испанскими, так как считал (и, заметим, не без оснований), что сближение с Испанией «сделает войну бесконечной, а саму Империю превратит в заложницу испанских интересов» (с. 180—181).

Пражский мир 1635 г., как отмечает А.Ю. Прокопьев, в целом воспроизводил условия Аугсбургского мира 1555 г., сохраняя и его главный изъян — кальвинисты в Империи по-прежнему оставались изгоями, что, очевидно, повлияло на дальнейший ход войны. Кроме того, амнистия для опальных дворян являлась выборочной, а многие из тех, кто получил прощение, правом на реституцию могли воспользоваться лишь после унижительной процедуры. Тем не менее согласие большинства элит было достигнуто. Но платой за это (здесь автор принимает мнение Г. Шмидта) стало усиление олигархического характера Империи, равновесие в которой обеспечивал теперь союз императора и курфюрстов, рейхстаг же по-прежнему оказывался отстранен от дел (впрочем, и о «тирании» императора говорить не приходилось). Кроме того, и это главное, вопрос о продолжении войны зависел от внешних сил, «которые так и не были допущены к переговорам. Момент был упущен, и война продолжалась» (с. 197—198). Однако не стоит преувеличивать — сами по себе переговоры еще ничего не решали: куда важнее готовность сторон к соглашению, но вопрос о том, имелась ли она у них, А.Ю. Прокопьев

не рассматривает. Даже после тяжелых поражений 1640-х годов Империи понадобилось три года, чтобы согласиться с условиями мира. А в 1635 г. уступчивости от нее ожидать не приходилось — как и от Швеции, которая рассчитывала на вступление в войну Франции.

Кризис «пражской системы», как отмечает А.Ю. Прокопьев, начался уже в 1638 г., а в 1640 г. в Регенсбурге впервые после 1613 г. был созван рейхстаг, вместе с ним произошло возвращение «к обычному механизму распределения власти: император со всей Империей, а не только со своей клиентелой. В 1640 г. закончился эксперимент длиной в четверть века. Империя вдруг ощутила желание жить» (с. 236). Последний тезис, однако, нуждается в конкретизации — неужели до того она выказывала желание умереть?

Своеобразно подходит автор к вопросу о тяготах войны. Он заявляет, что нет нужды вновь писать о хорошо известных бедствиях селян и горожан, и обращает внимание на то, как повлияла война на бытие высших классов. Герцоги Мекленбургские, например, «отсиживались в Любеке», герцог Вюртембергский «прозябал в Страсбурге», а «убогие торжества» при дворе саксонского курфюрста «фиксировали крушение принятого стандарта повседневно» (с. 238—239).

Конгресс, предшествовавший заключению Вестфальского мира, А.Ю. Прокопьев не считает общеевропейским, поскольку на нем не присутствовали представители Англии, а сам мир должен был стать «прежде всего немецким миром» (с. 270) и, как следует из дальнейшего изложения, по мнению автора, стал. Первый тезис не выглядит убедительным, поскольку для признания конгресса общеевропейским не обязательно присутствие представителей *всех* ведущих держав, второй же отчасти верен, так как автор все-таки признает, что Вестфальский мир стал немецким лишь «прежде всего», но не полностью (думается, далеко не полностью), — была окончательно признана независимость Голландии и Швейцарии, приращения получили Франция и Швеция. Оценивая последствия Вестфальского мира, автор пишет: «Вестфальский мир не породил нового права. В отношении Империи он лишь откорректировал статьи 1555 г., выработал механизмы разрешения споров, но оставил их замкнутыми традициями и ценностями сословного общества. Лишь в очень большой перспективе его можно считать предтечей нового европейского порядка и тем более секулярных идей» (с. 327).

Война унесла 5 млн жизней, и восполнить эти потери удалось не ранее рубежа XVII—XVIII вв., а в иных местах и позже. Село, естественно, пострадало куда больше города. В экономике события 1618—1648 гг. не привели к резким переменам, лишь притормозив или усилив процессы, наметившиеся еще до ее начала. Война вынудила людей стать веротерпимыми, наконец-то были признаны права кальвинистов. Наряду с «реанимацией рейхста-

⁶ Против использования этого термина недавно были высказаны серьезные возражения (см.: *Давыдов И.П., Фадеев И.А.* Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5—25; ответные возражения см.: *Исаев С.А.* «Протестантизм»: значение термина в исторической науке и религиоведении // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 5—18).

га» начала восстанавливаться система имперской юстиции, накануне войны почти парализованная (с. 293–300). Главный же итог войны видится автору в том, что ее бедствия «наложили колоссальную печать (sic! — А.К.) на генетическую память последующих поколений немцев. Большие в Германии внутренних смут, подобных тридцатилетней, не повторялись» (с. 327).

Не обошел стороной А.Ю. Прокопьев и влияние войны на культуру Европы. К несчастью, в разделе, посвященном литературе, о ней самой говорится очень мало, основное внимание уделено литературным обществам и судьбам писателей. Более удачен раздел о живописи и гравюре, где отмечены особенности творений на батальные темы Маттеуса Мериана, Питера Снайерса, Жака Куртуа; А.Ю. Прокопьев склонен согласиться с теми учеными, которые видят в гравюрах Жака Калло не призыв к гуманизму, а «дидактику сильной власти» (с. 309–315). Однако следует иметь в виду, что восприятие зрителя (к тому же меняющееся со временем) может отличаться от авторского замысла — «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

И, наконец, память о Тридцатилетней войне. До сих пор в Германии она занимает первое место «среди главных трагедий немецкой истории, оставляя позади даже катастрофу двух мировых войн. ... Сегодня, говоря о прошлом своих семей, сельские и горожане часто обозначают рубеж, делят свою историю на “до” и “после” 1648 г.» (с. 320).

Таким образом, перед нами многоплановое полотно, воссоздающее картину одного из важнейших событий европейской истории. Учитывая позицию А.Ю. Прокопьева, правильнее было бы назвать монографию «Германия и Тридцатилетняя война». О недостатках такого подхода уже говорилось, однако профессионализм автора несомненен, и при крайней скудости отечественной историографии по данной теме выход в свет такой книги можно только приветствовать. Но в качестве постскрипума невозможно не сказать о таком немаловажном для восприятия работы аспекте, как ее язык. Вызывает вопросы передача иностранных имен — св. Вацлав превращается в св. Венцеля, швед Юхан Банер — в Иоганна (очевидно, сказался германоцентризм автора), канцлер Оксеншерна — в Оксенштирну⁷, а император Матиас, или Матвей (равно как и Маттеус Мериан) — в Матфея. Еще более смущают прегрешения против стиля: «исходному толчку оказались причастны и большие политики» (с. 18); «война ... обнажила трагичные “ножницы” между “политической” и “культурной” нацией» (с. 22); «если одной своей стороной споры замкнулись глобальными концептами, то другой — “провалилась” вниз и оказалась (sic. —

А.К.) на этажах антропологических опытов» (с. 23); «в начале нашего века споры о войне приобрели вид впечатляющих ножниц. Одним лезвием они достигли высот глобализации, другим низверглись до глубин размышлений отдельного современника» (с. 24); «потеря отчих гнезд неизбежно становилась трагичной отметиной» (с. 103); «удар, который в случае успеха, несомненно, венчал бы его воинский гений» (с. 225); «мысль вонзится острую занозу в тело Империи перевешивала сомнения» (с. 228); «имперские структуры познали сильную встряску» (с. 291); «поместья Валленштейна, ... забурлившие производством одежды, пороха и оружия» (с. 300). Подобные примеры, увы, можно умножить.

Но в целом книга состоялась. Будем надеяться, что в обозримом будущем появятся и другие отечественные монографии на тему мало известной российскому читателю Тридцатилетней войны.

Рец. на книгу: VOR 400 JAHREN. DER DREIßIGJÄHRIGE KRIEG / Hrsg. R. Rebitch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2019. 243 s.

Rec. ad op.: VOR 400 JAHREN. DER DREIßIGJÄHRIGE KRIEG / Hrsg. R. Rebitch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2019. 243 s.

Предлагаемый сборник представляет собой материалы международного симпозиума «400 лет назад. Тридцатилетняя война», состоявшегося в Вене 27–28 февраля 2018 г. В нем приняли участие ученые из Германии, Швеции, Польши, Чехии и Австрии.

Книга состоит из введения и 14 статей. Во введении (с. 7–14), написанном ответственными редакторами издания Робертом Ребичем, Лотаром Хёбелтом и Эрвином Шмидлем, дается краткий очерк истории войны, а также комментарии по поводу политической, дипломатической и конфессиональной ситуации в 1618 г. В частности, указывается, что решающую роль играли в политике Священной Римской империи и ее устройстве конфессиональные вопросы, так что можно говорить о «политическом конфессионализме». И в ходе самой войны больше ощущался конфессиональный, нежели религиозный аспект (тезис, традиционный для немецкой историографии). Противостояние между католиками и протестантами играло все меньшую роль: лютеране-саксонцы воевали на стороне католической Империи; католическая Франция поддерживала лютеран-шведов, а главным ее врагом являлась католическая Испания; Густав II Адольф выступал как защитник протестантов, в действительности сражаясь за господство Швеции на Балтике.

Георг Шмидт в своей статье (с. 15–26) отмечает, что главные протагонисты католицизма, Фердинанд II и Максимилиан, «боролись не за Германию без протестантов, но хотели уменьшить их число и значимость настолько, чтобы те утратили возможность налагать вето в [делах] Империи». Если же выйти за конфессиональные рамки, то «Фердинанд

⁷ Его фамилия действительно пишется Oxenstierna, но произносится иначе. Русский вариант «Оксеншерна» тоже не совсем точен, но куда ближе к оригиналу и к тому же прочно закрепился в отечественной традиции.

II желал править в Богемии, а позднее по возможности и в Священной Римской империи германской нации как монарх, т.е. ограничить участие в управлении имперских сословий» (с. 17). Далее автор переходит к проблеме восприятия войны с точки зрения воли Бога. Большое влияние в этом смысле оказала на современников гигантская комета, появившаяся в небе в ноябре 1618 г., ее изображение даже чеканили на монетах. Естественно, в ней увидели предвестие апокалипсиса. Происходит любопытная метаморфоза в толковании божественной воли. Многие католики в начале войны видели причину ее в недостаточной борьбе с еретиками, протестанты также считали, что воюют за Бога, но в 1630-х годах из уст проповедников и придворных духовников зазвучали иные речи — планы Бога неизвестны, и в помощи людей для их осуществления он не нуждается. Отсюда следовал вывод, что люди должны взять собственную судьбу в свои руки. Интересны суждения Шмидта о картине Жоржа де ла Тура «Иов и его жена». Иов должен преодолеть свою пассивность, даже и против воли Бога. Не хочет ли сказать художник, что Бог помогает лишь тем, кто помогает себе сам? Не имеется ли в виду, что ему угодно, когда крестьяне нападают на своих мучителей и убивают их? Если война оставила какое-то наследие, то оно состоит прежде всего в идее ответственности человека перед самим собой.

Роберт Ребич останавливается на типологии ведения войны в 1618—1648 гг. Обычно в крупных битвах участвовало от 15 до 35 тыс. человек с каждой стороны. По подсчетам Г. Лангера, произошло 33 больших сражения, т.е., казалось бы, не так много, учитывая длительность конфликта. Но в то время считалось, что лучше избегать сражений, вытесняя противника в районы, где трудно снабжаться. Несмотря на то, что произошло более 30 масштабных батальи, ни одна из них не стала решающей напоподобие Ватерлоо или Садовой. Их реконструкция — дело непростое, на исход многих боев влияли случайные факторы. Кавалерия в них решающей роли не играла, зато немало новшеств произошло в построениях пехоты, ее формации стали меньше и мобильнее, нечто подобное имело место и в артиллерии, прежде всего в шведской, — ее калибры уменьшились, орудия стали подвижнее. Р. Ребич обращает внимание на такой вид войны, как осады, о которых применительно к 1618—1648 гг. пишут куда меньше, чем о битвах. Он останавливается на обороне Брюнна в 1645 г. от шведов, и неудача под его стенами стала крупнейшим фиаско в полководческой карьере Л. Торстенссона.

Другой важнейший аспект войны — «диктатура логистики», поэтому, как верно отмечает Д. Паррот, военачальники нередко оказывались скорее заложниками обстоятельств, нежели господами положения. В этом смысле исключение представлял Валленштейн, умело решавший вопросы снабжения армии. Показал он себя и мастером войны на изматывание, примером чего является «лагерь Валленштейна» (16-километровая укрепленная

линия во Франконии) в ходе противостояния Густаву II Адольфу в 1632 г. И хотя его тактика сработала лишь наполовину, шведский король лишился ореола непобедимости. Наконец, останавливается Р. Ребич и на таких двух взаимосвязанных формах боевых действий, как рейды («диверсии») и опустошение территории неприятеля.

В заключение автор пишет: «Военные теоретики охотно описывали шаблоны и идеальные представления, но практика показывает, что решающее влияние на ход войны оказывали человеческие поступки, таланты, навыки, способность к рассуждению, установки сознания, опыт» (с. 54).

Лотар Хёбельт предлагает свой ответ на вопрос, почему так долго продолжалась Тридцатилетняя война (с. 55—68). Заключению мира немало препятствовало то, что удовлетворение всех участников коалиции представляло собой непростую задачу. Но основное внимание автора сосредоточено на финансовой стороне: война стоила очень дорого (во многом из-за роста численности армий), и срабатывал принцип «кто платит, тот и заказывает музыку». Испанские и французские субсидии для Империи и Швеции соответственно покрывали лишь меньшую часть имперских и шведских расходов, хотя в определенные моменты они играли решающую роль. В 1640—1641 гг. сепаратный мир с императором был для шведов возможен, но под давлением французов им пришлось отказаться от него. Автор прибегает к парадоксальной формулировке: война продолжалась, потому что никто не мог ее себе позволить⁸. Смысл ее в том, что в случае прекращения войны пришлось бы в достаточно сжатые сроки выплачивать долги по жалованию наемникам — это и произошло после Вестфальского мира. Даже для достаточно платежеспособной Голландии роспуск наемников представлял собой немалые трудности. «Редко когда несоответствие финансовых ресурсов и требований военных было столь огромным, как во времена Тридцатилетней войны» (с. 68).

Анушка Тишер рассматривает обеспечение мира как проблему имперской политики в 1640—1650-х годах (с. 63—83). Она отмечает, что завершение войны в 1648 г. еще не означало установления прочного мира, процесс этот требовал времени. К тому же договоры в Мюнстере и Оснабрюке, предполагавшие мир для всех участников противостояния, принесли его (да и то не сразу) только Германии — Франция продолжала войну с Испанией, хотя важнейшая идея вестфальских соглашений состояла в прекращении войны всеми ее участниками. Угроза Вестфальскому миру исходила не только извне, но и изнутри, поскольку многие конфликты в самой Империи не были урегулированы. При взаимных гарантиях в случае общего мира, при котором никто

⁸ Хёбельт выносит эти слова как цитату из самого себя (Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008. S. 42) в заглавие статьи, что представляется не вполне корректным.

не чувствовал бы себя побежденным, существовала возможность создания системы европейской безопасности (думается, в условиях XVII в. такое было невозможно в принципе). Однако этого не произошло, хотя Вестфальский мир и заключал в себе инструментальный для его гарантирования. Но что бы ни было, при активной политике имперских сословий он стал не просто соглашением, а именно миром. Этому способствовали вырванные ими у Леопольда I обещания перед избранием на императорский трон строго соблюдать Вестфальский мир и не втягивать Империю во внешние конфликты, а также создание надконфессиональной Рейнской лиги.

Франц Фельбербаур рассматривает военно-технические аспекты Тридцатилетней войны (с. 85–106). Он отмечает, что в начале ее пикинеры составляли более 50% войска, но чем дальше, тем больше их число уменьшалось, тогда как мушкетеров становилось все больше. Особых изменений в производстве и использовании холодного и древкового оружия в 1618–1648 гг. не произошло. Мало менялись и калибры ружей, но в целом прогресс в развитии стрелкового оружия был значительным, осуществлялся переход от тяжелых ружей к легким, фитильным, колесцовым и кремневым. Чем дальше, тем больше происходила унификация снаряжения, проводниками которой выступали командиры полков.

В артиллерии исчезли калибры более 24 фунтов, для полевых орудий обычно применялись ядра весом от 3 до 6 фунтов. Появились многоствольные орудия. Пушки стало удобнее заряжать. В то же время Густаву II Адольфу пришлось отказаться от внедрения так называемых «кожаных» орудий. Рассказ о развитии артиллерии ведется «на фоне» экспонатов замка Форхтенштайн, где сохранилось 11 лафетов Тридцатилетней войны (аналогов им нет, ибо все остальные лафеты той эпохи дошли до нас не целиком). В архиве замка сохранилось руководство по артиллерии князя Павла I с важнейшими данными об орудиях, от 0,5- до 96-фунтовых. Большую роль сыграло появление гранат — например, именно благодаря им удалось отбить штурм Брюна 15 августа 1645 г. В итоге возник особый род пехоты — гренадеры.

Изменения в военной технике повлияли на переход к регулярной армии — прежде всего во Франции, а затем и в Империи. Респуск солдат в конце года и новый набор их «с нуля» в начале следующего становился все более невыгодным.

Михаэль Вайзе освещает вопрос об участии в Тридцатилетней войне кроатов (хорватов) (с. 107–115). Их начали нанимать в имперскую армию уже в 1619 г. Валленштейн прежде всего из них набирал свою легкую кавалерию. Бесчинства со стороны кроатов обычно объясняют тем, что им как солдатам нерегулярных частей не платили жалования, но это верно только для первого генералата Валленштейна. После битвы при Заблате, в которой участвовало 1500 кроатов, большая часть их, несмотря на успешный исход боя, дезертировала, а другие разграбили

южнобогемский городок Розенберг. «Прославились» они своими бесчинствами и в 1625 г. в Баварии и Саксонии, но зато в 1626 г. хорошо показали себя в битве при Дессау. В последующие годы от них жестоко пострадали Гессен-Кассель и Шампань. Недаром появилось слово «Croatesca», аналогичное по способу образования слову «Soldateska» (солдатня).

Детлев Плайс (с. 117–127) рассматривает вопрос о пребывании финских солдат на зимних квартирах в Германии в 1630–1650 гг. (той же теме посвящена диссертация автора). В шведской армии они составляли треть, что отражало соотношение численности обоих народов. Как показали новейшие исследования, в 1630–1648 гг. в Финляндии призвали скорее 30, а не 25 тыс. человек, как считалось раньше, и потери среди них составили не 90%, а 50–60%. Финны, как и лапландцы, нагоняли страх на немцев — власти Липшгадта оправдывали сдачу города без боя тем, что среди осаждающих находились финны и лапландцы. Финские солдаты проводили большую часть службы в Германии в домах местных жителей. В 1630–1650 гг. число ночевок финнов у немцев превысило 30 млн. Население обеспечивало солдат, помимо жилья, провиантом, одеждой, лошадьми, а то и оружием. Те в свою очередь должны были защищать его от нападений, зачастую от отрядов своей же стороны, а также сопровождать на вверенной им территории товары и путешественников. Финские отряды, стоявшие в Восточной Франконии, Вестфалии, Гарце, обходились дешевле и с ними было связано меньше проблем, чем с другими войсками в тех же краях.

Йенни Оман анализирует вопрос о военной добыче, захватывавшейся в ходе Тридцатилетней войны шведами (с. 129–139). Автор обращает внимание на трофеи особого рода — книги, которые в таком количестве, как шведы, не присваивал никто из остальных участников конфликта, — в одном только Вюрцбурге было захвачено 800 томов. Это объясняется как нехваткой книг даже в университетах Швеции, так и общей линией поведения шведской короны и дворянства, которое стремилось обустроить свой быт на европейском уровне. Дело, конечно, не ограничивалось книгами. В 1632 г. Густав II Адольф разграбил собрание произведений искусства в Мюнхене, нарушив договор, гарантировавший защиту собственности. Это, по мнению автора, явилось актом личной вражды короля с Максимилианом Баварским. Более спорно предположение автора, будто Густав II Адольф мог таким образом отомстить за передачу Максимилианом Палатинской библиотеки из Гейдельберга папе, — думается, король исходил из куда более практических соображений. Самую большую добычу шведы захватили в 1648 г. в Праге (скульптуры Адриана Вриса, полотна Джузеппе Арчимбольдо и др.). И хотя многое пропало в пути, немало предметов из пражской добычи (правда, их идентификация порой вызывает вопросы) и поныне хранится в музеях, замках, храмах, частных собраниях Швеции. Впрочем, не только

из нее — экспонатом Шведского исторического музея в Стокгольме является знаменитый реликварий Елизаветы, захваченный в Вюрцбурге, а в библиотеке собора в Стренгнесе до сих пор хранятся 368 книг из собраний Чехии и Моравии. Иногда встает вопрос о реституции, но дело кончается лишь обсуждениями. Впрочем, многие шведские музеи предоставляют трофейные предметы искусства музеям других стран для временного экспонирования.

Несколько статей посвящено позиции некоторых стран, не участвовавших в Тридцатилетней войне. Анна Землевская обращается к вопросу о роли Речи Посполитой в годы общеевропейского конфликта (с. 141–148). Сигизмунд III и его сын Владислав IV вынашивали планы возвращения себе шведской короны, на которую, как они считали, имели права, однако знать не хотела воевать за это. Сигизмунд рассчитывал на помощь Империи и в 1613 г. заключил договор с императором Маттисом о взаимопомощи в случае мятежа подданных. С началом восстания в Чехии в 1618 г. он потребовал от богемских и силезских сословий подчинения императору, угрожая интервенцией, но угрозой дело и ограничилось. В 1620-х годах Испания рассчитывала на возвращение Сигизмундом III шведского трона, что позволило бы рассчитывать на ее помощь в морской войне против Голландии, но престол Швеции остался за Густавом II Адольфом, и все ограничилось лишь планами. Затем последовал конфликт со Швецией, закончившийся Альтмаркским перемирием 1629 г. Сигизмунду не удалось вернуть шведский трон. Последовавшую затем Смоленскую войну порой считают частью Тридцатилетней, так как Россия являлась союзницей Швеции. Владислав IV пытался продолжать попытки вернуть шведскую корону с помощью Габсбургов. Однако нежелание знати воевать подтолкнуло его к сотрудничеству с Францией, которой было позволено набирать в Польшу солдат. Это в свою очередь вызвало ухудшение отношений с Империей.

В центре статьи Клаудии Райхль-Хам — вопрос о причинах неучастия Турции в Тридцатилетней войне (с. 149–164). В первой половине XVII в. Османскую империю поразил кризис власти, породивший политическую и экономическую нестабильность. Армия уже не соответствовала требованиям времени. Усиление политической роли наемных войск, прежде всего янычар, вело к напряженности не только на высшем, но и на локальном уровне. В 1620-х годах Турции пришлось вести войну с Польшей, Крым попытался ослабить свою зависимость от Порты, имел место кризис в Месопотамии. В 1623 г. началась война с Персией. Неудивительно, что в таких условиях Османская империя не вступила в Тридцатилетнюю войну. И это при том, что обстановка на границе с Габсбургами, несмотря на все мирные соглашения, напоминала малую войну. Турция, учитывая трудные обстоятельства, в которых она находилась, старалась избежать эксцессов. Трансильванские князья Бетлен Габор и Дьёрдь I Ра-

коши почти не пользовались ее поддержкой в ходе их борьбы с Габсбургами. Тем не менее успехи в войнах с Персией и Венецией показывают, что со смертью Сулеймана I в 1566 г. Османская империя еще не миновала пору расцвета.

Наконец, Ханс Рудольф Фурер останавливается на позиции Швейцарии в 1618–1648 гг. (с. 165–188). Гриммельсгаузен называл ее «земным раем» посреди бедствий войны. Накануне последней предугадать дальнейшие действия Швейцарии было трудно. С 1499 г. она обладала особым статусом. В первой половине XVI в. там стала брать верх Реформация, но начавшаяся позднее рекатолизация привела к размежеванию конфессий. Тем не менее ни католики, ни протестанты не поддались на просьбы о поддержке единоверцев извне. Швейцария представляла немалый интерес для воюющих сторон — это и возможность набирать там наемников, и экономические ресурсы, и альпийские перевалы. Ее нейтралитет оказался в интересах обеих сторон конфликта. Присоединение Швейцарии к одной из них или ее превентивный захват не казались возможными или обещавшими успех. В 1647 г. кантоны заключили договор в Виле — первое общеконфедеративное военное соглашение на случай нападения на их территорию.

Ян Килиан посвятил свою статью (с. 189–197) дневнику хрониста Михеля Штюлера, кожевника из Граупена (ныне Крупка в Чехии). Автор писал его не для публикации — в нем слишком много компрометирующих сведений о местных жителях. Как показывает Килиан, дневник Штюлера (оригинал его не сохранился) не только представляет собой интересный источник по локальной истории, но и отражает взгляды, опыт и переживания образованного горожанина эпохи Тридцатилетней войны.

Вальтер Калина рассматривает такую интересную тему, как «серия Пикколомини» — картины из Венского военно-исторического музея, прославляющие имперского фельдмаршала Оттавио Пикколомини (с. 199–222). Последний заказал нидерландскому художнику-баталисту Питеру Снайерсу 12 полотен на эту тему. Они украсили принадлежавший ему замок Наход в Чехии. Эти картины — не только произведения искусства, они обладают и определенной документальной ценностью, поскольку Пикколомини давал художнику подробные указания относительно расположения войск в изображаемых битвах. В картинах «серии Пикколомини» нашли отражения многочисленные детали военного быта — например, на полотне «Битва при Лютцене» мы видим и командующего, и солдата, перевязывающего ногу, и обозного мальчишку, ловящего собаку, и даже мать, кормящую грудью младенца. Детали отличаются точностью. Перед нами «настоящее социальное исследование» реалий Тридцатилетней войны. То же, думается, можно сказать и о других картинах серии. Снайерс не стремится строго следовать глорифицирующей тенденции, согласно которой полководцы, нередко изображавшиеся в позах античных героев, занима-

ли видное место на картинах.

Завершает сборник, составленный Р. Ребичем, обзор новых (преимущественно немецких) исследований по Тридцатилетней войне (с. 223–239). Это работы самого разного содержания — книга о предыстории войны Х. Духхардта; считающаяся эталонной объемистая история войны Х. Мюнклера; рассмотрение событий от битвы при Нёрдлингене до сражения при Янкове Л. Хёбеля; монография Ф. Майда «Тридцатилетняя война в немецкой барочной литературе»; анализ битвы при Лютцене П. Уилсона, и другие. В заключение автор дает библиографические рекомендации и для тех, кто хочет узнать о войне поподробнее, но из книг малого объема, и для тех, кому интересен более детальный подход на основе новейших исследований.

В заключение остается сказать, что сборник интересен многоплановым подходом. В нем, правда, нет анализа собственно батальных сюжетов, в которых еще много неясного, но выбор темы — право авторов. Думается, со своей задачей они справились, и интересующиеся историей Тридцатилетней войны с немалой пользой для себя ознакомятся со статьями сборника.

Библиография

Вежсвуд В. Тридцатилетняя война. М., 2012.

Давыдов И.П., Фадеев И.А. Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5–25. DOI: 10.31857/S013038640006341-3

Исаев С.А. «Протестантизм»: значение термина в исторической науке и религиоведении // Новая и новейшая исто-

рия. 2021. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S013038640009040-2

Проконьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008.

Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.

Münkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648. Berlin, 2017.

Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

References

Davydov I.P., Fadeyev I.A. Pervonachal'nyi smysl termina "protestantizm": istoriko-filosofskoe issledovanie [Initial Sense of the Term "Protestantism": A Historical and Philosophical Study] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 5. S. 5–25. DOI: 10.31857/S013038640006341-3 (In Russ.)

Isaev S.A. "Protestantism" znachenie termina v istoricheskoi nauke i religiovedenii ["Protestantism" as a concept: Its meaning in historical and religious studies] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 2. S. 5–18. DOI: 10.31857/S013038640009040-2 (In Russ.)

Prokopjev A.Ju. Germany during the Religious Split. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Wedgwood C.V. Tridsatiletlniaia voina [The Thirty Years' War]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.

Münkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648. Berlin, 2017.

Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

DOI: 10.31857/S013038640023158-1

© 2023 г. Д.В. Родин

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В «БАЛКАНСКОМ ЛАБИРИНТЕ» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: О.И. Агансон. В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «БАЛКАНСКИЙ ЛАБИРИНТ», 1903–1914 гг. СПб.: Алетейя, 2022. 362 с.

Родин Денис Валерьевич — научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: enigma9307@mail.ru

Scopus Author ID: 57951433900; Researcher ID: 10283531

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.